

Завещание Дины Митрофановны

Виктор приходил к маме по субботам. Он помогал по хозяйству, ходил в магазин за продуктами и несколько часов мог обо всём и не о чём беседовать с ней, сидя в уютном кресле. Часто Зоя Ивановна просила сына проводить её к одинокой соседке. Ей было по-женски жалко Дину Митрофановну, которая вот уже пятнадцать лет, как похоронила мужа, а детей у них не было.

– Витя, положи в баночку пару налистников, – наказывала сыну, – угостим Дину. Дина бурчала-стеснялась, зачем да зачем, а сама всегда жадно набрасывалась на принесенные гостинцы.

Дине Митрофановне исполнилось 75. Она с трудом передвигалась по квартире, надеть тапочки, которые были её постоянной обувкой, сама могла с большим трудом. Внутри вставляла свою палку и пододвигала к ноге, держала, чтобы тапок не ускользнул в сторону, и завинчивала ногу в тапок.

Ни о какой уборке и речи не было, помогал Виктор. Митрофановна руководила, где протереть пыль, а сама в это время беседовала с Зоей. Зоя Ивановна была моложе на пять лет, и эти годы чувствовались. Зоя ещё могла многое сделать сама, да и сын с невесткой помогали, внуки приносили продукты. «Не дай Бог остаться одной, как Дина», – думала Зоя Ивановна, возвращаясь с сыном домой.

Как-то Дина Митрофановна позвала Виктора по телефону для серьёзного, как она выразилась, разговора.

– Виктор! Вы с мамой столько добра мне сделали! Всегда навещаете и подкармливаете... Я хочу тебя отблагодарить! Я отпишу тебе всё моё добро! – гордо сказала сморщенная невысокая седая Митрофановна.

– Э-э! Я-а... – промямлил Виктор, оглядываясь по сторонам. Он сидел в центре небольшой спальни, половину которой занимала старая широкая кровать, рядом стоял комод с потёртыми стенками и в углу прилепился полупустой книжный шкаф. Вторая комната и кухня были обставлены такой же столетней давности убогой мебелью...

– Спасибо, не надо, у меня всё есть, – проговорил Виктор, – вот если бы...

– А квартиру я уже давно завещала племяннику, который живёт в Харькове, – прочитала Витины мысли Митрофановна, – жаль, что приезжает он раз в год. И меня к себе не зовёт... Надо бы переписать завещание... – полусказала-полуподумала хозяйка.

– Ты такой молодец, Витя! Как повезло твоей жене! Ты всё умеешь – и убрать, и приготовить, и продукты купить. Мой покойный муж ничего этого не делал, всё на мне было. Я восхищаюсь тобою, – выдохнула Дина.

Виктор Николаевич засмутился – уж больно откровенно радовалась его приходам Митрофановна, не отпускала, норовила напоить чаем и включить старенький проигрыватель, поставить свою любимую пластинку, чтобы душа раскрылась от удовольствия... Только пятидесятилетний Виктор имел семью – жену, моложе себя на восемь лет и деток, сыновей-погодок... Жена вполне удовлетворяла его, а здесь... Да, Митрофановна явно испытывала к нему чувства. Как мать? Как женщина? Скорее – второе. При виде Виктора глаза её зажигались, голос дребезжал, менялся тембр и интонации. Она норовила притронуться к мужчине, погладить его по волосам, по руке...

А просьбы о помощи всё усложнялись. То одно, то другое... Уже всё, что нужно, Витя прибил, приклеил, починил, поставил на места... А Митрофановна находила новые и новые маленькие и большие просьбы.

Рядом с нежностью к мужчине жила у Дины в душе недоверчивость к людям, взращённая жизнью. Митрофановна имела единственную запись в трудовой книжке – «Принята на должность секретаря суда». Место работы наложило отпечаток не только на характер, но и на внешность женщины. Лет двадцать назад, рассказывала Зоя Ивановна сыну, Дина ходила с высоко поднятой головой, не глядя на людей. Вроде бы она сама была судьёй, а не помощником – секретарём...

– А чего это ты заинтересовался Дининым прошлым? – удивилась мать, но охотно рассказывала о прошедшей молодости, о дружбе с семьёй «секретарши» - так Зоя Ивановна называла Дину.

– Да, вот, странная она какая-то... - вопросительно посмотрел сын на мать. Но Зоя не видела вопроса, она не замечала и особого отношения старой своей подруги к сыну.

А Дина Митрофановна тем временем пригласила на дом нотариуса, оформила новое завещание на Виктора. Она жаждала оставить именно ему всё своё движимое и недвижимое имущество...

«Я положу завещание в документы, а Вите ничего не скажу - строила Дина загадки. – Вот умру, будут они разбирать документы, найдут завещание и ахнут!»

На столике в кухне стояли у Митрофановны старенькие кухонные весы. На них она всегда проверяла вес принесённых соседями покупок. «А сдачу мне правильно отдали?» - высчитывала Дина граммы и копейки...

Виктор принёс ей пакет продуктов и ушёл, а Дина на автомате стала взвешивать масло, колбасу... И вдруг дверь отворилась, Виктор возвратился – забыл перчатки. Он увидел кусочек масла, которое только что купил, лежащим на весах, и всё понял. - Дина Митрофановна! – только и воскликнул он, и обиженно отвернувшись, вышел из квартиры. По пути домой вспомнил, как простил старушке недавний фокус со сберкнижкой. Тоже – доверила ему получить её ещё советские рубли, а они сто раз обесценились, и из тысяч превратились в десятки. Сберкнижку закрыли, выдали пару десятков гривен... И у Митрофановны был шок! Она звонила в банк, при Викторе всё выясняла, правильную ли сумму он принёс... Спрашивается, почему до того, как дала ему доверенность, не разузнала всё, раз такая грамотная?! Нет, хватит...

– Всё, мама! Больше я ей ничего покупать не буду! Она меня проверяет! Думает, что ворую её деньги! А ещё хотела меня «осчастливить» своим барахлом! Пусть другие соседи её обслуживают и получают в наследство старую рухлядь... И Виктор рассказал матери о желании Митрофановны «отписать» ему всё её «богатство».

– Ну, смотри, дело твоё. Для неё – её вещи, конечно, дороги. Но ведь их никто и за копейки не купит! Старьё! – трезво рассуждала Зоя Ивановна.

Теперь сын провожал маму до квартиры соседки, а сам не входил. Зое Дина ничего не говорила. Но сама переживала! Она не придумала ничего лучшего, как написать Виктору письмо и отправить его на имя директора школы, где он всю жизнь трудился!

Дина не извинялась! Она красивым почерком и казённым языком протоколов судебных заседаний писала директору! Что Виктор не имеет права оставить её одну! Что она же завещала ему всё, что у неё есть! Что директор должен пропесочить Виктора и направить к ней! Что у неё «от нервов» сдаёт здоровье, и, если она умрёт, то виноват будет он – Виктор!

– Боже мой, какие у вас здесь страсти! – сказал директор, вручая письмо оторопевшему Виктору. – Но это всё меня не касается, разбирайтесь сами со своей любовницей! Это ваши личные дела!

– Да она!.. Да я!.. – не нашёлся от неожиданности наш герой...

Виктор решил, что прямо скажет Митрофановне, что он не жаждет быть наследником её добра, и что очень разочаровался в ней, получив её письмо из рук директора школы.

Пришёл. Разговор был коротким. Дина рыдала! Но, она опять не извинялась, а грозила Виктору, что вновь перепишет составленное на него завещание в пользу других соседей! Виктор ушёл, и в душе у него было легко, угрызения совести не мучили. Ощущения были, словно сбросил он с плеч тяжеленный груз!

- Иди, иди! – процедила вслед Дина Митрофановна, - не знаешь, что ты лишился в будущем моей квартиры!